

МАРТ

На рассвете снег сиреневый,
воздух мартовский горчит.
Над селом,
                                как ударения
  над строкой,
летят грачи.
Восклицают озабоченно,
гнезда старые узнав...
По заснеженным обочинам
вьются полозы канав,
а вокруг –
                                берёз парение
раскрывается в гало.
Как в душе –
                                стихотворение,
просыпается село.
И звучит его мелодия –
беспокойная печаль,
сердцу близкая, как родина,
бесконечная, как даль.

ГРОЗА

По деревенским сонным ивам
Ударил шумный дождь с утра.
В саду ныряют с веток сливы,
А в поле мокнут трактора.
Сквозняк гуляет по веранде,
Вздывая занавеску-флаг.
Стекло дрожит. Картечью градин
Гроза взрывает тёмный фланг.
Мелькает огненная пропасть.
Над крышей – грохот требушет,
Но почему такая лёгкость
И ликование на душе!

ОДУВАНЧИКИ

Города мегаскелет
Распростёрся за кубом куб,
Но этих цветов свет
Не признаёт клумб.

Этих цветов аромат
Замешен на горьком желтке,
На мареве автострад
И золотом песке.

Вдоль тротуарных лент
Тонут в тёплой пыли
Осколки дерзких комет,
Летние звёзды земли.

РОМАНС

Раскинул в небе невода
Закат волнисто и высоко,
И под кувшинками вода
Смежила радужное око.

И шелест ив студёным стал,
В аллеях тропы опустели,
Когда проснулась в колыбели
Звезда, свободна и чиста.

Её далёкий, ровный свет
Дарил надежду и участие,
Как будто в жизни нет несчастий,
Как будто в мире горя нет.

Бывает так в судьбе земной,
Когда любви ослепнет пламя,
Мы можем стать кому-то сами
Такой звездой.

Мы станем вдруг кому-то сами
Такой звездой.

***

Наброски пасмурного лета
Тонули в медленной воде.
Дрожала в пропасти мольберта
Акаций плачущая тень.
Ребром упавшая монета
Луной скатилась за порог.

Свеченье пасмурного лета
Разнёс по полю ветерок...
И, сбившись

в суматохе веток
в комок
размытого
холста,
надежды пасмурного лета
горят,
сентябрь,
в твоих кострах.

ВЗГЛЯД ИЗ ПРОШЛОГО

Так смотрит зимний день
через ледышки окон,
сквозь пропасти зрачков –
в нас –
параллельный мир.
Так смотрит на людей,
с крючка сорвавшись, окунь,
на дачных светлячков
взирает ювелир.
В горсти твердеет снег,
чтобы истечь водицей.
Вновь на исходе год.
Но нам ли выбирать?
Теперь легенда – век,
в котором смысл – родиться,
и стал привычным тот,
в котором – воскресать
и в новый круг шагнуть
под солнцем
оловянным
солдатиком,
из тьмы
упавшим в лабиринт,
и душу обрести,
оставшись безымянным.
Пока наивен мир.
Пока огонь горит.

ЧЕМ СЕРДЦЕ УСПОКОИТСЯ

Что было?

Полдень. Белый май. Гроза
дыру озоновую в клочья
рвала,
звенела песенка сорочья
дождей весенних,
тая в небесах.

Что будет?

Полночь. Ледяной разряд
безмолвия бетонно-серых комнат.
Но это для уныния не повод:
что будет –
наши внуки поглядят.

Чем сердце успокоится?

Мечтой
несбыточной –
мечтою воплощённой,
улыбкой детской,
взглядом восхищённым,
за окнами площадной суетой.

ЧАСЫ

*Ещё не наступил рассвет,
Ни ночи нет, ни утра нет...*

Николай Гумилёв

Очертания начертаний
размываются...
Проступают
начертания очертаний –
иллюзорность величества.
Всех настенных часов причитанья –
все сложения и вычитанья –
пересчитыванье страданий
в час ученичества.

Очертания чувств нечётки.
Что не в счёт – нам подскажут чётки
календарные.

Дождь чечёткой –
Всё отчётливее.

Чудеса чудачков не учат.
Вот летит человек на туче.
Он такой же, как все, везучий...
Но уже пережёркнутый.

Чудотворное чародейство
расчеканено в старость – детство,
в отречение от речений –
наше вечное отрочество.
Чемоданное счастье в осечке,
чугунок остывает в печке.
На качелях черёмух качает нас
Век Одиночества.

ДЕРЕВО И ФЛЕЙТА

Серый камень
спящей собакой –
даже слышно,
как чутко дышит, –
у ворот японского парка
сторожит первобытную память;
и величественность абака
демонстрирует небо, прогнувшись
на ветвях одинокого вяза,
что стоит в стороне.

Из предутреннего тумана
был гамак,
в котором уснула
рыбка-лето –
с хвостиком флейта, –
а проснулась –
рыбацкие сети,
ртутный отблеск
первого льда.

Вместе с нею
он пел и плакал,
и смотрели
сутулые крыши
через ржавую раму
мрака,
как гудело
лунное пламя.